

УДК 001.94

И.Б. Ардашкин

РИСК КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Рассматривается риск в контексте основных характеристик неклассической эпистемологии. Констатируется, что неклассической эпистемологии свойственна трансформация, согласно которой основной приоритет познавательной деятельности смещает свой акцент в темпоральном выражении с настоящего на будущее. Субъекта интересует в этом случае не столько то, что он познал, сколько то, что он сможет познать. Истина как основной критерий научного познания утрачивает свой приоритет, а более существенное значение получает риск, выступающий в качестве одного из основных измерений познания. Риск обретает статус эпистемологического феномена, что демонстрирует растущую степень неопределенности как фона познавательного процесса и необходимость для субъекта познавать мир (принимать решения) в условиях усиления степени неопределенности. Автор констатирует, что риск, являясь многогранным понятием, именно в качестве эпистемологического феномена обретает стержневое значение для всех других различных сторон своего применения.

Ключевые слова: риск, неопределенность, субъект, истина, познание, знание, неклассическая эпистемология.

Эпистемология сегодня в качестве раздела философии пребывает в состоянии трансформации. Суть этой трансформации такова, что на данный момент она не обрела какие-то более-менее ясные контуры, а пребывает в состоянии неопределенности. Правильнее было бы сказать, что эпистемология представлена множеством подходов, соотношение между которыми просто не представляется возможным (эволюционная эпистемология, социальная эпистемология, конструктивистская эпистемология и т.д.). Тем не менее некоторые исследователи (В.А. Лекторский, Ю.С. Моркина и др.) полагают, что большинство эпистемологических подходов можно объединить на основе ряда характеристик (об этом позже) и представить в качестве неклассической эпистемологии, которая будет выступать как своеобразная система, выражающая наиболее характерные черты и тенденции всего многообразия эпистемологических направлений.

У такой точки зрения имеются резоны, один из которых заключается в том, что центральным эпистемологическим вопросом является вопрос о знании как феномене человеческой деятельности. Только подходы к поиску ответов о природе знания стали более разнообразными, можно сказать, обрели некоторую новизну и нетрадиционность. Как считает В.А. Лекторский, «неклассическая эпистемология – не только новый этап в развитии эпистемологии, но новый способ понимания реальности и человека. Неклассическая эпистемология открывает во многом новое поле исследований, весьма значимых для понимания современных социальных и культурных процессов» [1. С. 23].

В этом плане вполне естественным будет считаться выявление новых аспектов организации и понимания познавательной деятельности, уточнение таких сторон когнитивной активности человека, которые не свойственны были ему в классической интерпретации. Обращение к риску, который автор

предлагает рассмотреть в качестве эпистемологического феномена, и представляется социокультурным новшеством неклассической трактовки познавательного процесса.

Изначально риск не связывался с познавательной деятельностью. Его употребление имело торгово-финансовый оттенок. Как пишет Г. Бехманн, «ненадежность и риск появляются в Средние века в связи с учением о ростовщичестве» [2. С. 76]. В дальнейшем стали привноситься и другие значения, которые в итоге привели к такой трактовке этого понятия, где выражалась надежда на преодоление неопределенностей будущего. По Г. Бехманну, «в конце XVI в. понятие риска освобождается от своего религиозного значения (ранее риск неверия был связан с высоким риском загубить душу для будущего) и подчиняется чисто экономическим соображениям. Мореплавание и торговля в дальних странах создают социальные контексты, основывающиеся на ситуациях риска. Риск (от итальянского *risicare* – взвешивать) обозначает здесь возможность обращения с неопределенным и ощущаемым полным опасностей будущим» [2. С. 76–77].

Экономическая составляющая риска как потенциальной угрозы товару, активам, производству быстро обретает и социальную сторону, учитывая широкое распространение промышленного производства. Но в сферу эпистемологии понятие риска не проникло, поскольку для эпистемологических концепций этой эпохи (речь идет о классической эпистемологии) важнейшими ориентирами являлись объективность, истина, наукоцентризм. А подобные характеристики знания и познавательного процесса должны были констатировать надежность получаемого результата (знания), исключали любую ошибку и оплошность со стороны субъекта. По сути, такие критерии познавательного процесса выступали в качестве гарантии неполучения опасного и ненадежного результата.

Другое дело современное общество, которое имеет массу метафор, характеризующих его многообразие: постиндустриальное общество, общество знания, информационное общество, общество рисков и т.д. Сами метафоры говорят о многоукладности такого общества, о характере процессов, в нем происходящих. Сегодня идет невероятное усложнение организации жизни, касающееся не только социальной составляющей, но и природной. Это усложнение увеличивает степень неопределенности в мировосприятии и отдельного человека и общества, подрывает устои наших привычных представлений, а также технологии формирования наших знаний о мире. И в таком случае не только эпистемология оказывается в «подвешенном» состоянии, но и другие общественные системы (уклады). Даже такой социальный институт, как образование, являющийся, как правило, наиболее консервативным элементом общественной организации, вынужден меняться,

пересматривая цели и средства своего функционирования. Как пишут, А.Ю. Карпова, Д.А. Карпов, Ю.Ю. Крючков, важнейшей чертой образования «становится способность специалистов маневрировать в современном постоянно меняющемся высокотехнологичном мире... Новые возможности информационно-знаниевой парадигмы обучения и развивающей парадигмы образования – это развитие экстенсивности (открытость опыту), способности к необыкновенным, невероятным сочетаниям элементов и генерации идей» [3. С. 66].

В самой эпистемологии происходят не менее существенные изменения, чем в других отраслях науки, философии, знания в целом. Уровень познания современного человека достиг такой глубины, что дальнейшее продвижение в направлении когнитивной активности требует существенного подкрепления оборудованием, приборами, финансами, общественной поддержки и т.д. Сегодня уже недостаточно одного теоретического интереса ученого, которым он мог руководствоваться в своей познавательной деятельности в эпоху классической науки. Для того, чтобы сегодня начать полноценное научное исследование, необходимо объединить и заинтересовать большое количество людей, для которых содержание познавательной деятельности может быть и не понятным, но без которых ничего реализовать не получится. Эта сторона социальной практики нашей жизни, хоть напрямую и не касающаяся эпистемологического аспекта, играет достаточно существенную роль для организации познавательного процесса.

Более того, сегодня в ситуации организации прикладных научных исследований заказчик, не касаясь содержательного и организационного аспектов познания, может требовать необходимый ему результат. И как показывает опыт прикладных научных исследований, ученые вынуждены делать все, чтобы такой результат состоялся. Ясно, что подобные процессы в сфере познания не добавляют ему стабильности. Получается так, каждая эпистемологическая практика требует отдельного для себя толкования. Не случайно ряд исследователей отмечают, что истина сегодня в эпистемологии явно не в почете (это, кстати, уже стало общим местом), а значит, пытаться свести познавательный результат к какому-то однозначному показателю (по сути, именно это выражает собой идея истины) не представляется возможным. И все потому, что, как уже выше упоминалось, современный мир стал очень сложным. Поэтому и формирующееся многообразие эпистемологий предполагает, что каждая из них направлена на осмысление какой-то одной из составляющих мира структур. Естественно, что неопределенность как состояние знания в такой ситуации является очень существенным элементом любого познавательного контекста.

С целью большей систематизации характеристик эпистемологии неклассического образца прибегну к анализу ее характеристик, особенно подчеркивающих специфику современной ситуации. В частности, представляется оправданным обращение к результатам осмысления неклассической эпистемологии Ю.С. Моркиной, которая провела существенный анализ подходов к оценке неклассической эпистемологии и вывела 21 характеристику последней. Не вижу смысла приводить все характеристики, поскольку необходимо указать только те черты, которые имеют отношение к демонстрации риска в качестве эпистемологического феномена, обоснованию

необходимости его использования в неклассической эпистемологии как одного из измерений познавательного процесса. Наиболее четко актуализируют значимость такого измерения познания как риск следующие черты неклассической эпистемологии: «1) мир природных явлений независимо от наблюдателя не существует, и наши знания в нем субъективны; 2) характеристики мира зависят от предпочтений и интересов наблюдателя; 4) научное знание не открывает и не накапливает истинных черт внешнего мира; 9) научное знание предполагает такое описание физического мира, которое опосредовано различными культурными ресурсами; 15) научное знание не является эпистемологически привилегированным случаем знания; 18) отказ от фундаментализма; 20) отказ от наукоцентризма» [4. С. 90–91].

Как видно из заданных характеристик, познавательный процесс в неклассической эпистемологии трактуется как сложный, много- и разнообразный процесс, по различным основаниям не сводимый к каким-то универсальным константам. Помимо этого, актуализируется роль субъекта (как индивидуального, так и коллективного), повышается степень его участия в познании и степень его присутствия в знании. В то же время следует оговориться, что существенное влияние субъекта на познавательный процесс не стоит связывать с солипсизмом. Если в последнем мир, по сути, – его (субъекта) собственная конструкция, то в неклассической эпистемологии активность субъекта обусловлена сложностью мироустройства, скоростью протекающих процессов, глобализацией, а также идущей при этом специализацией знаний. Сегодня одному человеку просто не под силу выступить в качестве универсального специалиста, обладающего необходимым потенциалом. Перед человечеством, перед наукой встают проблемы глобального характера, познание которых не под силу одному человеку (тем более, что решение повседневных проблем никто не отменяет). Для осознания и решения таких проблем требуются усилия различных научных коллективов, представляющих различные сферы знания, а также требуется привлечение усилий целых государств и мирового сообщества.

Не случайно возросла роль такой формы познавательной оценки результатов исследования, как экспертная. Зачастую у исследователя нет возможности однозначно обосновать выбор того или иного познавательного решения. В таком случае вполне естественно, что исследователь использует экспертную оценку. Но чтобы данная методика имела более обоснованное решение, ученые стремятся привлечь как можно более полный круг экспертов из разных областей знания (что, следует заметить, еще больше усложняет и без того непростое решение). Как пишет Л.А. Микешина, «поскольку оценка всегда субъективна и зависит от особенностей и целей производящего ее субъекта, то современные методы использования экспертов стремятся обеспечить более полное взаимодействие специалистов разных профилей, улучшение их подбора и согласование их оценок. Большое значение при этом придается процедуре, служащей для уменьшения психологического влияния причин, снижающих эффективность экспертных решений, таких как взаимное убеждение, влияние авторитетов и т.п.» [5. С. 195].

Но самое главное, что широкое привлечение экспертов (как показывает практика, и не только ученых) ведет к формированию взаимопересечения

различных измерений общественного бытия: познавательного, социального, культурного, природного и т. д. Как подмечает та же Л.А. Микешина, «методы экспертных оценок не только делают всю систему приемов решения научных и технических проблем более гибкой и оптимальной, но являются одновременно каналами проникновения социально-политических, культурно-исторических, социально-психологических факторов в содержание научного и технического знания, получаемого при решении проблем» [5. С. 196].

Спектр привлеченных специалистов повышает не только возможности для поиска эффективных решений, но и степень неопределенности и риска. Причем риск здесь, с одной стороны, имеет социальный генезис, так как рассматриваются последствия решения для общества и человека, но, с другой стороны, неразрывно связан с познанием, поскольку в основе возможных последствий лежит чье-то субъективное решение. Эпистемологическое измерение риска фактически свидетельствует о неразрывности социального фактора и научного познания. Как тонко подметил характер этой связи У. Бек, «претензии научной рациональности на объективное выяснение уровня риска в опасных ситуациях постоянно противоречат сами себе: они основываются на карточном домике спекулятивных предположений и колеблются исключительно в пределах вероятностных высказываний; содержащиеся в них прогнозы безопасности не могут быть опровергнуты даже реально происходящими авариями» [6. С. 19].

Риск представляется неперменным измерением познавательного процесса не только в силу использования экспертных оценок. Риск выступает в качестве неотъемлемой составляющей мировосприятия человека. Когда мировосприятие (познание) предстает как процесс, в рамках которого человек принимает решения, то наличие разной степени неопределенности порождает риск как механизм нахождения решения при отсутствии полной ясности. Чем такой ясности меньше, тем больше ответственности лежит на субъекте (человеке), а, следовательно, делая выбор, человек формирует такое измерение своей деятельности (и познания в том числе), как риск. Как пишет В.С. Диев, «риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери. Риск – интегральный показатель, сочетающий в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и количественных характеристик его последствий» [7. С. 44].

Риск действительно присутствует в познании, поскольку связан с субъектом и воплощает собой ограниченность его эвристического выбора. Сложность эта проявляется в том, что когда еще субъект не осуществил выбор и перед ним действительно лежит перспектива различных возможных ходов, то уже тогда фактически он должен рискнуть и этот выбор сделать. Более того, осуществив такой выбор, субъект только конкретизирует риск. Но в этом и состоит особенность познавательного процесса в неклассической эпистемологии: риск следует конкретизировать. Устранить его не получится, а уточнить можно вполне. В таком случае субъект имеет более четкие представления, что ему дает то или иное принятое решение, а, следовательно, и позволяет лучше оценить эпистемологические следствия.

По большому счету в подобных ситуациях речь идет о том, что из всей палитры возможных неопределенностей субъект должен выбрать какую-то одну неопределенность. Это значит, что исследователь будет осуществлять свой выбор исключительно в рамках той сферы, в которой он чувствует себя более-менее посвященным. Но учитывая, что перед ним (коллективом ученых) стоит глобальная проблема (а именно такие проблемы, как правило, характеризуют неклассическую эпистемологию), он скорее сузит сферу своей неопределенности за счет решимости двигаться познавательнее дальше, поскольку добиться полной ясности вряд ли удастся. Как представил такого рода процессы Г. Бехманн, «развитие физики точно отражает данный феномен. Рассуждения о линейной картине мира классической физики, которая может свести сложность макроскопических природных явлений к простым структурам микромира, разбиваются современной микрофизикой с ее универсумом сверхсложных отношений» [2. С. 137]. И конкретизирует: здесь «не просматривается никакой единой перспективы такого рода тему втиснуть в определенные, всеми принимаемые рамки» [2. С. 137].

Неопределенность как фон осуществления познавательной деятельности в силу активного участия субъекта (субъектов) в познании предстает как неустранимый компонент. Для субъекта осуществление когнитивной операции в таких условиях неизбежно, она (неопределенность) не исчезнет, не прояснится. Поэтому и возникает риск как еще одно измерение познавательного процесса. Если в классической науке основным приоритет научных исследований был связан с истиной, то сегодня, как это не покажется странным, одним из основных приоритетов научного познания является риск. Это не значит, что истина совсем устраняется в качестве критерия оценки научного познания, а значит то, что, во-первых, истина становится сегодня социально-культурно, социально-политически, социально-экономически и пр. «ангажированной», во-вторых, истина может быть обусловлена разными степенями риска. И что важно: это является самым значимым эпистемологическим следствием познания вообще и научного в частности.

Следует добавить, что если вести речь о прикладной науке, то обозначенная особенность измерения познавательного процесса актуализируется с еще большей силой. Разработка технологий, внедряемых в производство, в организацию общественной деятельности, ориентация на прибыль и т.д. как приоритеты прикладных научных исследований усиливают степень риска для отдельного человека и общества в целом, поскольку и в сфере фундаментальных исследований, и в сфере прикладных исследований принцип деятельности ученого фактически не различается. Не случайно сегодня говорят о формировании технонауки, в которой и эпистемологическая сторона, и технологическая сторона неразрывно связаны. Фундаментальные исследования невозможно проводить без соответствующего оборудования и техники, а развивать технологии без фундаментальных разработок также достаточно сложно. Ученый в таких исследованиях выступает в качестве прорицателя, предсказателя, чье заявление предстает перед человеком неожиданным. Интересно сравнение научной деятельности у Г. Бехманна, когда он отмечает, что «современная наука выступает как деятель, как Кассандра, принимающая меры» [2. С. 137].

Очевидно, что ученый в подобных условиях, осуществляя познание, берет на себя риск. При этом ясно, что общество, которое позволяет ученому при данных условиях вести познавательную деятельность, рискует еще больше, учитывая возможные последствия применения результатов научно-технических исследований. Именно по этой причине автор хочет поставить проблему риска как эпистемологического феномена в неклассической эпистемологии, поскольку исключительно эпистемологическая сторона риска является невидимой, но от этого еще более опасной для общества.

Риск – феномен многогранный: и социальный, и политический, и экономический, и правовой, и технологический и т.д. Но, как правило, многие риски можно конкретизировать, просчитать. Экономический риск можно посчитать и оценить, технологический можно детализировать и через инструкции предупредить, в правовом плане от риска можно застраховаться и т.д. Но когда речь идет об эпистемологическом риске, то здесь сложно что-либо предусмотреть, чтобы его предупредить, поскольку направление мыслительной деятельности регулировать невозможно.

В познавательном плане контроль своей рефлексии возможен лишь по принципу самоконтроля. Исследователь должен осознавать степень своей ответственности перед миром, обществом, чтобы оценивать возможные негативные последствия своих идей. Кстати, необходимо уточнить, что риск как измерение жизнедеятельности человека и общества (в том числе и эпистемологической стороны) необязательно предполагает негативные последствия. Эти последствия могут быть и позитивными. В этом и заключается сущность риска, связанная с тем, что человек решается на определенные действия в ситуации неопределенности для того, чтобы добиться позитивного результата. А поскольку он действует, не осознавая всей полноты и глубины ситуации в первую очередь эпистемологически, то и возникает фактор риска как фактор усиления неопределенности. Для примера можно использовать ситуацию с массовым распространением мобильной связи в нашей стране. Фактически этот процесс начался 10–11 лет назад (в 2002–2003 гг.). Сегодня мы часто слышим о тех потенциальных угрозах здоровью, которые несет сотовый телефон в случае его неосторожной эксплуатации (ухудшение слуха, негативное воздействие электромагнитных волн на головной мозг и т.д.).

Риск возникает тогда, когда человек «забегает» вперед, ориентирован не на настоящее, а в будущее. В противном случае риска бы не было. Человек (общество) стремится, как в сказке, пойти «туда, не знаю куда», стремясь «найти то, не знаю что». И самое главное, что изначально этот процесс осуществляется эпистемологически. Как пишет Э. Гидденс, «в традиционных культурах концепции риска не было, потому что они в ней не нуждались. Риск – это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее, для которого будущее – территория, подлежащая завоеванию и колонизации» [8. С. 39].

Общество, устремленное в будущее, в первую очередь и нуждается в эпистемологии такого типа (в этом и заключается основная суть эпистемологии неклассического типа, ее основные характеристики). Отсюда и снижение интереса к истине (последняя характеризует качество знания о действительности в на-

стоящий момент). Отсюда и многообразие эпистемологических направлений (нет жестких критериев осуществления познавательной деятельности; она рассматривается либо как конструктивистская деятельность, либо как эволюционная трансформация, либо как проектная деятельность и т.д.). Как тонко подметил В.Г. Горохов относительно процессов формирования рисков, идет «изменение роли науки в современном обществе “не-знания”» [9. С. 13]. И здесь невозможно не согласиться с В.Г. Гороховым в этой оценке, поскольку, действительно, мир, в котором живет человек, становится все сложнее, а мы все с большей неопределенностью продолжаем в нем существовать.

Степень неопределенности (ее рост) все лучше просматривается в том, что исследователи выделяют большее количество рисков, где роль человека только усиливается. В частности, австралийская исследовательница К. Алтаус, рассматривая перспективы изучения эпистемологического статуса риска, выделила пять его типов, в трех из которых понимание условий их возникновения и функционирования были связаны с фактором человека, зависимостью от того, какие решения он предпримет. Ею выделяются: субъективный риск (психическое состояние человека, который испытывает неуверенность, или сомнение, или беспокойство относительно результата данного случая); объективный риск (изменения, которые происходят, когда фактические потери отличаются от ожидаемых потерь); реальный риск (комбинация вероятностей и отрицательных последствий, которые существуют в реальном мире); наблюдаемый риск (измерение комбинации, полученной посредством построения модели реального мира); ощущаемый (перцептивный) риск (грубая оценка реального риска, сделанная нетренированным членом общества) [10. С. 568].

Как видно из характеристик рисков, как минимум, субъективный, наблюдаемый и ощущаемый риски обусловлены субъективными основаниями, зависят от осуществления решений человека. Не исключено, что объективный и реальный риски также обусловлены такого рода привязками. В случае объективного риска такая зависимость связана с оценкой ожидаемых потерь (речь идет о субъективной конструкции), в случае реального риска речь идет о зависимости вероятностей и отрицательных следствий при их комбинировании субъектом.

Кроме того, нельзя не упомянуть и о том, что эпистемологическая природа риска может быть обусловлена многообразием рисков, соответственно, необходимостью их оценки и выбора. Множество рисков, необходимость выбора наиболее приемлемых из них порождают эпистемологическую неопределенность. Поэтому от субъекта и требуется необходимость риска как неизбежного условия эпистемологической стратегии неклассического типа.

Если вернуться назад и вспомнить те характеристики неклассической эпистемологии Ю.С. Моркиной, которые были приведены выше, то вполне очевидно, что эти черты обозначают в первую очередь эпистемологию как процесс «рискованной» организации познавательной деятельности, поскольку именно через субъективные решения она осуществляется. Например, мир природных явлений независимо от наблюдателя не существует, и наши знания о нем субъективны; научное знание не открывает и не накапливает истинных черт внешнего мира; научное знание предполагает такое описание физического мира, которое опосредовано различными культурными ресурсами и т.д. Как видно из этих характеристик, без активного участия субъекта

(а значит, и без процесса принятия его решений) не обойтись, что и порождает риск – риск как эпистемологический феномен.

Таким образом, следует констатировать, что в условиях неклассической эпистемологии риск становится не только определяющим условием осуществления познавательного процесса, но и характеристикой, которая существенно отличает эпистемологию классическую от неклассической. Главное, что привносит риск в качестве эпистемологического феномена, – это ситуация неопределенности, которая задается субъектом для быстрейшего преодоления настоящего момента общественного развития. Скорость движения, желание быстрее там оказаться и порождают риск – как субъективную эпистемологическую стратегию поиска чего-то нового и неизведанного. Возможность приобретения такого результата связана с риском, но и утрата этой надежды может вести к достаточно серьезным угрозам, но в этом и заключается амбивалентность риска, а также эпистемологической стороны риска как своеобразного когнитивного полигона для субъекта.

Литература

1. *Лекторский В.А.* О классической и неклассической эпистемологии // На пути к неклассической эпистемологии. М.: ИФРАН, 2009. 237 с.
2. *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2012. 248 с.
3. *Карпова А.Ю., Карпов Д.А., Крючков Ю.Ю.* Обучение переменам: умение учиться, общаться, выбирать // Вестник Томского государственного университета. 2013. №373. С. 66–69.
4. *Моркина Ю.С.* Моделирование в исследовании дискурса о научном знании (социальная эпистемология как неклассическая) // Философский журнал. 2011. №1. С. 86–102.
5. *Микешина Л.А.* Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
6. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
7. *Диев В.С.* Проблемы выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 41–51.
8. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
9. *Горохов В.Г.* Вводная статья // Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2012. С. 6–72.
10. *Althaus E. Catherine/ A Disciplinary Perspective on the Epistemological Status of Risk // Risk Analysis. 2005. №3. Vol. 25. С. 567–588.*

Ardashkin Igor Borisovich National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

RISK AS AN EPISTEMOLOGICAL PHENOMENON

Key words: risk, uncertainty, subject, truth, cognition, knowledge, non-classical epistemology

Considered in the context of the risk characteristics of the main non-classical epistemology. The author states that for non-classical epistemology peculiar transformation, according to which the main priority of cognitive activity shifts its focus in temporal terms with the present for the future. Subject of interest in this case is not so much what he knew, but the fact that he can learn. Truth as the main criterion of scientific knowledge loses its priority, and gets more and more significant risk, acting as one of the key dimensions of knowledge. Risk of acquiring the status of an epistemological phenomenon that demonstrates the growing degree of uncertainty as the background of the cognitive process and the need for the subject to know the world (decisions) in the face of increasing uncertainty. It is stated that in terms of the implementation of cognitive control researcher with respect to its reflection is possible only on the principle of self-control. The researcher should be aware of its responsibility to

the world, to society, to assess the possible negative consequences of their ideas. It also determines that the risk as a measure of human life and society (including epistemological side) does not necessarily imply a negative impact. These effects can also be positive. This is the essence of risk associated with the fact that a person decides to certain actions in situations of uncertainty in order to achieve a positive result. And because it works, not realizing the fullness and depth of the situation in the first place, epistemologically, then there is a risk factor as the gain factor of uncertainty. Epistemological nature of the risk is due to the variety of risks, respectively necessity of their evaluation and selection. Many risks, the need to choose the most appropriate one, generates epistemological uncertainty. Therefore, the subject and the need requires risk as an inevitable condition of epistemological strategy non-classical type. The author concludes that the risk of being a multi-faceted concept, namely as an epistemological phenomenon acquires key importance for all other different sides of application.

References

1. *Lektorskiy V.A.* O klassicheskoy i neklassicheskoy epistemologii [On classical and nonclassical epistemology]. In: Lektorskiy V.A., Mudragey N.S., Trufanova E.O. (eds.) Na puti k neklassicheskoy epistemologii [Towards nonclassical epistemology]. Moscow: Institution of Philosophy Russian Academy of Sciences (RAS) Publ., 2009, pp.7–24.
2. *Bekmann G.* Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy [Modern society: the society of risk, information and knowledge]. Translated from German by A.Yu. Antonovskiy, G.V. Gorokhova, D.V. Efremenko, V.V. Kaganchuk, S.V. Mesyats. Moscow: Logos Publ., 2012. 248 p.
3. *Karpova A.Yu., Karpov D.A., Kryuchkov Yu.Yu.* Teaching to change: the skill to learn, to communicate, and to choose. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2013, no. 373, pp. 66–69. (In Russian).
4. *Morkina Y.S.* The use of modelling in the analysis of discourse about scientific knowledge (social epistemology as a non-classic one). Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal, 2011, no. 1, pp. 86–102. (In Russian).
5. *Mikeshina L.A.* Epistemologiya tsennostey [Epistemology of values]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007. 439 p.
6. *Bek U.* Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu [Society of risk: towards the other modern]. Translated from German by V. Sedel'nik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000. 383 p.
7. *Diev V.S.* The problems of choice and decision-making in interdisciplinary context. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, 2013, no. 2 (22), pp. 41–51. (In Russian).
8. *Giddens A.* Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn' [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Translated from English by M. L. Korobochkin. Moscow: Ves' Mir, 2004. 120 p.
9. *Gorokhov V.G.* Vvodnaya stat'ya [Introduction]. In: Bekmann G. Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy [Modern society: the society of risk, information and knowledge]. Moscow: Logos Publ., 2012. pp. 6–72.
10. *Althaus C.* A disciplinary perspective on the epistemological status of risk. Risk Analysis, 2005, no.3, vol. 25, pp. 567-588.